

*Посвящается Дереку Фраю,
представителю старой школы*

Когда уходит с поля старый крикетист,
никто не знает, что с ним дальше станет,
но, может быть, заметишь краем глаза
ты, как под ударом встал двенадцатый, а
там, быть может, Джефф, а может быть, и
Джон, сменивший мяч на жало под конец,
а может, это я, а может быть, и ты...

*Рой Харпер.
Когда уходит с поля старый крикетист*

Всякая школа — это немного бойня.

*Джеффри Уильямс.
Долой школу!*

ПЕШКА

1

За последние пятнадцать лет мне удалось сделать одно открытие. А именно: убийство — плевое дело. Эта граница такая же нелепая и произвольная, как любая другая; черта, проведенная по земле. Как здоровенный знак по дороге к «Сент-Освальду» «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», расставивший в воздухе ноги, словно часовой. Когда мы встретились впервые, мне было девять лет и он угрожающе навис над мной, будто злобный школьный хулиган.

ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН ДАЛЕЕ ТОЛЬКО ПО ПРОПУСКУ

Другой ребенок, возможно, испугался бы такого запрета. Но у меня любопытство взяло верх над инстинктом самосохранения. Что за «пропуска»? Почему только «далее»? И главное, что случится, если я все-таки пройду?

Конечно, мне уже было известно, что школа закрыта для посторонних. К тому времени мы прожили под ее сенью полгода, и это стало одной из главных заповедей моих детских лет, которые вдалбливал Джон Страз. «Не будь неженкой. Следи за собой. Игре и работе отдавайся до конца. Глоток-другой еще никому не повредил». И главное: «Держись подальше

от «Сент-Освальда»». Порой он добавлял для внушительности: «Держись, черт подери, подальше, если жизнь дорога» — или же предостерегающе бил по плечу. Понятно, что эти удары считались дружескими, но все-таки было больно. Воспитатель из Джона Страза был никудашный.

Так или иначе, первые месяцы приходилось подчиняться безоговорочно. Папа очень гордился своей новой работой смотрителя — чудесная старая школа, безупречная репутация, и мы будем жить в Старой Привратницкой, где жили до нас целые поколения смотрителей. Летом по вечерам будем пить чай на лужайке, и начнется замечательная жизнь. И может быть, увидев, как нам хорошо, когда-нибудь вернется мама.

Шли недели, но ничего такого не происходило. Привратницкая оказалась памятником архитектуры, правда третьестепенным, с крохотными зарешеченными оконцами, едва пропускавшими свет. Там никогда не выветривался запах сырости, и нам не разрешили установить спутниковую антенну, чтобы не нарушить стиль. Мебель там была в основном «Сент-Освальда» — тяжелые дубовые стулья и пыльные кухонные шкафы, рядом с ними наши пожитки с Эббируд, которые удалось сохранить, казались жалкими и неуместными. Отец работал с утра до ночи, и мне вскорости пришлось полагаться на себя — заказывать доставку готовой еды или чистого постельного белья из прачечной (тут меня снова записывали в неженки), не беспокоить отца по выходным и всегда запирать свою комнату в субботу вечером.

Мама нам не писала; любое упоминание о ней тоже означало, что я *неженка*; и вскоре ее лицо начало стираться из памяти. Впрочем, отец прятал под матра-

сом флакон ее духов, и, когда он был на обходе или отпраплялся с приятелями в «Саперы», можно было пробраться в его спальню и побрызгать этими духами — они назывались «Синнабар» — свою подушку. А потом представлять себе, что мама смотрит телевизор в соседней комнате или наливает для меня молоко на кухне и вот-вот вернется, чтобы почитать мне что-нибудь. Глупо, конечно, ничего такого она не делала, когда жила с нами. А потом папа, наверное, выбросил этот флакон — в один прекрасный день он исчез, и даже ее запаха у меня теперь не осталось.

Приближалось Рождество, а с ним плохая погода, и работы у папы прибавилось. Чай на лужайке мы так и не пили. С другой стороны, мне — диковатому ребенку, необщительному, не заметному в школе — было хорошо. Весь первый семестр моя жизнь текла в одиночестве — уйти из дома, играть в заснеженном лесу за «Сент-Освальдом» и исследовать каждый дюйм по периметру школы, не нарушил ли кто границу.

Выяснилось, что большая часть школьной территории снаружи не видна: главное здание скрыто липовой аллеей — теперь по-зимнему голой, — которая окаймляет подъездную дорогу, а земля прячется за стенами и живыми изгородями. Но через ворота виднелись лужайки, безупречно подстриженные отцом, крикетные поля, окруженные аккуратными рядами кустов, часовня с флюгером и надписями на латыни. А дальше, за всем этим, простирался мир, неведомый и далекий, как Нарния или страна Оз, — мир, который никогда не станет моим.

Моя начальная школа называлась «Эбби-роуд», приземистое маленькое здание, стоящее на муниципальной земле, с игровой площадкой на ухабистом

склоне и двумя воротами с надписями «МАЛЬЧИКИ» и «ДЕВОЧКИ» на потемневшем камне над ними. Мне никогда там не нравилось, но еще страшнее казался переход в «Солнечный берег», громадную среднюю школу, к которой меня приписали по месту жительства.

С самого первого дня в «Эбби-роуд» обитатели «Солнечного берега» не вызывали у меня ничего, кроме уныния: дешевые зеленые фужайки с названием школы на груди, нейлоновые рюкзаки, окурки, лак для волос. Они меня возненавидят, тут нет никаких сомнений. Стоит им только взглянуть на меня, и они меня возненавидят. Это сразу почувствовалось. Тощий недоросток, исправно сдающий домашнюю работу, — да «Солнечный берег» заглотит меня целиком.

Мои вопросы вконец достали отца:

— Почему? Почему в «Берег»? Почему туда?

— Не будь неженкой. «Берег» — вполне нормальная школа. Все они одинаковы.

Ну вот это неправда. Даже я понимаю. И это будило любопытство, это возмущало. А теперь, когда весна спешила на голую землю и на терновых зарослях высыпали белые бутоны, мои глаза вновь обратились на эту надпись — «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН» — старательно выписанную рукой отца, и снова вопросы одолевали меня: по каким таким пропускам? почему именно отсюда «воспрещён», а не оттуда? И с возрастающим нетерпением: что случится, если я перейду эту черту?

Здесь нет ни стены, ни другой видимой границы. Незачем. Просто дорога, вдоль нее — терновые заросли, и в нескольких ярдах слева — этот знак. Высокомерный, не терпящий возражений, уверенный в

своей власти. А за ним — опасная неизведанная территория. Там тебя может поджидать все, что угодно: мины, ловушки, охранники, скрытые камеры.

Нет, с виду все кажется невинным, точно так же, как и с этой стороны. Но знак говорит о другом. За ним — порядок. Власть. Всякое нарушение этого порядка влечет за собой наказание, таинственное и страшное. В этом нет ни малейших сомнений; все так просто, и от этого предчувствие угрозы только усиливается.

И вот я сижу на почтительном расстоянии от границы и разглядываю запрещенную территорию. Странно, но сознание того, что здесь наконец установлен порядок, успокаивает. За пределами «Солнечного берега» — полицейские машины, граффити на стенах, мальчишки швыряют камни в автомобили. Я слышу, как они кричат на учителей, выходящих из школы, вижу служебную автостоянку, щедро опутанную колючей проволокой.

Однажды у меня на глазах четверо или пятеро загнали в угол одного. Мальчишка был на несколько лет старше меня и одет лучше большинства обитателей «Берега». При взгляде на библиотечные книги у него под мышкой мне стало ясно, что его избьют. В таком месте, как «Солнечный берег», любители чтения всегда были законной добычей.

«Сент-Освальд» — совсем другой мир. Здесь нет места граффити, мусору, вандализму, максимум — разбитое окно. Об этом говорил знак, и внезапно у меня возникла невыразимая уверенность, что я принадлежу этому миру, где можно посадить саженец и знать, что никто его не сломает в ту же ночь; где истекающего кровью не бросят на дороге; где полиция не ворвется ни с того ни с сего; где не пишут объявлений для уче-

ников — «Оставлять ножи дома». Здесь будут строгие учителя в старомодных черных костюмах, угрюмые смотрители вроде моего отца, горделивые старосты. Если ты делаешь уроки, это не значит, что ты гомик, придурок или ботан. Здесь безопасно. Здесь дом.

Мое одиночество не нарушали: никто не отважился зайти так далеко. Птицы прилетали на эту запретную землю и улетали — и ничего им за это не было. Потом из-под ограды с важным видом появился кот и уселся, облизывая лапу. И ничего.

Я решаюсь подойти ближе. Для начала переступаю через тень, а потом пролезаю между толстыми столбами, на которых держится знак. Моя собственная тень воровато прокралась вперед — и пересекла границу.

Вначале это щекочет нервы. Но недолго: в душе моей уже созрел бунт, и не хочется ограничиваться таким формальным проступком. Я осторожно ступаю на траву на той стороне, затем убираю ногу — это восхитительно, я дрожу, как ребенок, впервые шагнувший в океан. Конечно, мне никогда не доводилось видеть океан, но ощущения не обманывают — это такое же вторжение в чужую стихию, где может случиться что угодно.

Ничего не случилось.

Еще один шаг, на этот раз не отступая. Ничего. Надпись возвышается надо мной, как чудовище из фильмов, которые показывают поздно вечером. Она словно застыла, вне себя от моей дерзости. Не теряя времени, надо рвануться, помчаться через продуваемое ветром поле к живой изгороди, пригибаясь, в любую секунду ожидая нападения. И, добежав до изгороди, затаиться в ее тени, задыхаясь от страха. Ну вот, сказано — сделано. Теперь они придут.

Всего в нескольких футах от меня — дыра в изгороди. Замечательно. Я подбираюсь к ней, держась в тени, и протискиваюсь. Они могут подойти и справа и слева. А если подойдут с обеих сторон, то придется удирать. Мне всегда казалось, что взрослые забывают о случившемся, когда проходит время, и если получится быстро удрать, то меня не накажут.

Все во мне замерло в ожидании. Горло понемногу отпускает, сердце бьется почти нормально. Окружающее начало проясняться. Сначала мне любопытно, затем все больше и больше неприятно. Терновые колючки царапают спину сквозь футболку. Пахнет потом, сырой землей, кислым терном. Где-то рядом щебечет птица; вдалеке, словно насекомое в траве, убаюкивающе стрекочет газонокосилка. И больше ничего. Сначала от радости у меня вырвался смешок — граница нарушена, и меня не поймали, — а затем появилось недовольство, в груди затрепетала обида.

Где же скрытые камеры? Мины? Стража? Где ПОРЯДОК — столь самоуверенный, что его надо было писать большими буквами? И главное — где мой отец?

Я осторожно встаю и выхожу из тени изгороди. Солнце бьет в лицо, и я заслоняю глаза рукой. Делаю в открытое поле шаг, затем другой.

Вот сейчас они и придут, эти судебные исполнители, эти зыбкие фигуры порядка и власти. Но тянулись секунды, минуты — и ничего. Никого — ни старосты, ни учителя, ни даже смотрителя.

Тогда меня охватывает паника, и я бегу к центру поля, размахивая руками, как человек на необитаемом острове, пытающийся остановить спасательный самолет. Им что, все равно? Это же настоящее вторжение. Неужели они меня не замечают?

«Сюда! — меня переполняло негодование. — Я здесь! Сюда! Сюда!»

Ничего. Ни звука. Хоть бы собака залаяла или завывла сирена. Хоть малейший знак тревоги. И тут, дрожа от гнева и возбуждения, я понимаю, что все это — чудовищная ложь. Никого в поле нет, лишь трава и деревья. И черта на земле, подстрекающая переступить через нее. Переступить так переступить. У меня хватило смелости бросить вызов ПОРЯДКУ.

И все же не оставляло ощущение, будто меня обманули, как бывало при встречах с угрозами и уверениями мира взрослых: он обещал так много и так мало давал.

«Они лгут, детка, — зазвучал у меня в голове слегка приглушенный голос отца. — Обещают тебе целый мир, но все они одинаковы. Они лгут».

«Нет, не лгут. Не всегда...»

«Тогда давай, рискни. Посмотрим, как далеко ты зайдешь».

И я иду дальше, вдоль изгороди и вверх по небольшому холму, туда, где растут деревья. Там высится другая надпись: «НАРУШИТЕЛИ БУДУТ ПРИВЛЕКАТЬСЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ». Но первый шаг уже сделан, и этой угрозе не остановить меня.

Однако за деревьями меня ждал сюрприз. Мне казалось, там должна быть дорога, может, рельсы или река — знак того, что на «Сент-Освальде» мир не кончается. Но отсюда насколько хватало глаз простирался один «Сент-Освальд»: этот холм, рощица, теннисные корты, крикетное поле, благоухающие лужайки и за ними длинные-предлинные полосы лугов.

И там, за деревьями, были люди — мальчики всех возрастов. Некоторые чуть старше меня, другие — взрослые, пугающие и самодовольные. Одни — в бе-

лых костюмах для крикета, другие — в шортах и разноцветных майках с номерами. В стороне виднелась квадратная песчаная площадка, где прыгали в длину. А еще дальше — большое здание из прокопченного камня. Сводчатые окна, отражающие солнце, длинная черепичная крыша, испещренная слуховыми окнами, башня, флюгер, длинные ряды хозяйственных построек, часовня, изящная лестница, спускающаяся к лужайкам, деревьям, клумбам, заасфальтированным внутренним дворикам, разделенным оградами с арочными воротами.

Там тоже были мальчики: одни сидели на ступеньках, другие беседовали, стоя под деревьями. Некоторые в темно-синих блейзерах и серых брюках, остальные в спортивных костюмах. Их разговоры, которые только сейчас донеслись до меня, казались щебетанием экзотических птиц.

Сразу стало ясно, что они совсем другой породы. Словно позолочены — не только солнечным светом и близостью к этому чудесному зданию, но и чем-то менее материальным: налетом уверенности, неким таинственным сиянием.

Позже, конечно, все это предстало в истинном свете: за изящными чертами крылось утонченное разложение. Гниение. Но на первый, незаконный взгляд «Сент-Освальд» показался недосягаемым раем; это был Занаду, Асгард¹ и Вавилон вместе взятые, и там жили и блаженствовали юные боги.

Понятно, что та граница не просто черта на земле. Это барьер, переступить который не поможет никакая

---

¹ З а н а д у — райская долина, описанная в поэме С. Кольриджа «Кубла Хан». А с г а р д — в скандинавской мифологии мир богов.